

*Я встретил Вас...
Пушкин и любовь*

**Был ли
Пушкин
Дон Жуаном?**

Александр Лукьянов

«Я встретил Вас...». Пушкин и любовь

Александр Лукьянов

Был ли Пушкин Дон Жуаном?

«Алисторус»

2014

УДК 84-94
ББК 84(2Рос-Рус)

Лукьянов А. В.

Был ли Пушкин Дон Жуаном? / А. В. Лукьянов — «Алисторус»,
2014 — («Я встретил Вас...». Пушкин и любовь)

ISBN 978-5-4438-0901-4

О Пушкине написано столько книг, что многотомная пушкиниана может составить хорошую библиотеку. Начиная с первых биографов поэта, П. В. Анненкова и П. И. Бартенева, пушкиноведы изучают каждый шаг великого гения, каждое его слово и движение пера. На основе воспоминаний, писем, дневников самого поэта и его современников создавались подробнейшие биографии и хронологии его жизни, расписанные чуть ли не по дням. Спрашивается, зачем нужна еще одна книга? Что нового найдет в ней искушенный читатель? Современный исследователь жизни и творчества Пушкина анализирует его личность, прежде всего с психологической точки зрения, прослеживая истории любовных увлечений. Чувственный мир поэта был очень богат; женская красота постоянно привлекала его внимание. «Он был гениален в любви, быть может, не меньше, чем в поэзии. Его чувственность, его пристрастие к женской красоте бросались в глаза. Но одни видели только низменную сторону его природы. Другим удалось заметить, как лицо полубога выступало за маской фавна», – писал П. К. Губер в книге «Донжуанский список Пушкина». Говоря о личной жизни Пушкина, показывая его таким, каким он был на самом деле, автор не стремится опорочить его в глазах читателей. Главная цель этой книги – обнажить скрытые причины творческого вдохновения поэта, толкнувшие его на создание непревзойденных образцов любовной лирики.

УДК 84-94
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-4438-0901-4

© Лукьянов А. В., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Предисловие	7
Глава I	10
1	10
2	13
3	15
4	18
5	22
Глава II	23
1	23
2	25
3	28
4	30
5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Викторович Лукьянов

Был ли Пушкин Дон Жуаном?

© Лукьянов А. В., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Предисловие

О Пушкине написано столько книг, что многотомная «пушкиниана» может по объему составить хорошую библиотеку. Начиная с первых биографов поэта, П. В. Анненкова и П. И. Бартенева, армия пушкиноведов изучает каждый шаг Пушкина, каждое его слово, каждое движение пера, каждый порыв его многообразной и удивительно богатой чувствами души. Такая неординарная личность не может не вызвать желания ближе познакомиться с его жизнью, в том числе и интимной, в которой нашли место все оттенки богатейших духовных, эмоциональных и творческих сил.

Но среди всего многообразия литературы, написанной по поводу поэта, очень мало работ, где исследовалась личность Пушкина с психологической точки зрения. Конечно, в разное время и разными авторами отмечалась особая психологическая глубина лирики великого русского поэта, исследовались разнообразные аспекты его творчества, подчеркивалась необыкновенная сложность и противоречивость его душевного склада. На основе воспоминаний, писем, дневников самого Пушкина и его современников создавались подробнейшие биографии и хронологии его жизни, расписанные чуть ли не по дням.

Спрашивается, зачем нужна еще одна книга? Что нового в ней найдет искушенный читатель? Каких-то особенных открытий в ней явно нет. Новым является подход к освещению чувственной жизни поэта, которая играла значительную, если не основную роль в его жизни.

Уже стал аксиомой тот факт, что сексуальное влечение имеет огромное значение в формировании характера человека и подчас определяет все его жизненное поведение, его творческие способности и эмоциональную структуру психики. У обычных людей сексуальные подсознательные инстинкты не так ярко выражены. У личностей неординарных, выдающихся своими способностями и творческим потенциалом, а тем более гениев, эротическая составляющая психики является основной направляющей силой многих их поступков, мыслей, чувств и идей.

Задача настоящей работы – проследить путь формирования исключительной пушкинской чувственности, открыть ее истоки, проследить историю пушкинских увлечений, проанализировать те сознательные и подсознательные структуры пушкинской психики, которые сформировали необычный эротический феномен, может быть единственный во всей русской культуре.

Чувственный мир Пушкина был очень богат; женская красота постоянно привлекала его внимание. «Не подлежит спору, что в эротическом отношении Пушкин был одарен значительно выше среднего уровня, – писал П. К. Губер в книге «Донжуанский список Пушкина». – Он был гениален в любви, быть может не меньше, чем в поэзии. Его чувственность, его страсти к женской красоте бросались в глаза. Но одни видели только низменную сторону его природы. Другим удалось заметить, как лицо полубога выступало за маской фавна». Такое необычное поведение поэта, его страстная натура, удивлявшая многих его современников, имела свои основы в глубоких подсознательных структурах его психики.

Тщательное и профессиональное психологическое исследование душевной жизни Пушкина еще впереди. В предлагаемой вашему вниманию книге я попытался привлечь психоанализ, как одно из ведущих направлений в мировой психологии, чтобы сделать попытку понять причины такой необычайной эротичности великого поэта. Не претендуя на научность данной книги, я попытался создать как бы биографию интимной жизни Пушкина, рассматривая ее сквозь призму психоанализа, используя теорию и практику его, изложенную в работах Зигмунда Фрейда, Вильгельма Райха и Александра Лоуэна.

Сравнивая психоаналитические типы различных человеческих характеров с главными чертами личности поэта и особенностями его поведения, я пришел к некоторым интересным выводам, которые помогут правильно понять развитие его любовной жизни.

Психоаналитический подход основывается на теории Фрейда о наличии в структуре психики человека так называемого «либидо», некоей «меняющейся количественной силы, которая может измерять все процессы и превращения в области сексуального возбуждения». Разная степень сексуальной энергии «либидо» приводит к формированию определенного типа человеческого характера. А так как в «либидо» подкачиваются из бессознательной части психики первичные сексуальные и агрессивные инстинкты, то психоанализ считает, что в основе сексуального поведения лежат мотивы инцеста, т. е. сексуальных связей с кровными родственниками.

В психике каждого человека формируется т. н. «эдипов» комплекс, который устанавливает подсознательный запрет на половой контакт с матерью и убийство отца (обычай первобытной орды). «Эдипов» комплекс является основой первичных сексуальных фиксаций ребенка, а в дальнейшем руководит выбором сексуального объекта в зрелом возрасте. Первичные сексуальные влечения обычно обращены на родителей или близких, окружающих ребенка с первых лет его жизни. Затем, когда наступает пора половой зрелости, сексуальная направленность переходит на других людей. Однако в определенных случаях «инцестуальные» образы детства накладывают сильный отпечаток на эротическое поведение человека. В этом случае возникают некоторые отклонения от нормального поведения. По мнению Фрейда, именно эти противоречия между детскими сексуальными фиксациями и половой жизнью взрослых, т. е. противоречия «эдипова» комплекса, составляют основу различных неврозов, особенно на сексуальной почве.

В настоящей книге показано, что необыкновенная сексуальная энергия поэта имела своим источником сильный «инцестуальный» запрет на любовь из-за недостатка нежности со стороны родителей в детском и юношеском возрасте. Все те женские образы, на которые был направлен сексуальный выбор поэта, представляли собой в той или иной мере некоторый прообраз матери, няни или сестры – объекты детских сексуальных фиксаций. Именно «инцестуальные» запреты легли в основу необыкновенной «эротичности» Пушкина.

В этой книге я попытаюсь не только выявить ее причины, используя элементы психоанализа, но также расскажу о всех женщинах, сыгравших в его жизни замечательную роль, о всех музах и вдохновительницах его прекрасной поэзии, об их непростых сердечных и сексуальных взаимоотношениях с Пушкиным без замалчивания и прикрас, как бы создавая своеобразную любовную биографию поэта.

Должен отметить, что сфера интимной жизни любого человека всегда завуалирована и известна лишь узкому кругу близких ему людей. Пушкин не был исключением из этого правила. И хотя существуют множество свидетельств современников о его связях с женщинами, хотя в руках исследователей находятся колоссальное лирическое и эпистолярное наследие самого поэта, письма его друзей и знакомых, отыскать истину, составить верное представление о взаимоотношениях поэта со «слабым полом» чрезвычайно трудная задача. Нужно учесть, что мало кто из современников был объективным или же хорошо информированным, рассказывая о любовных делах Пушкина. Даже сам поэт не всегда искренно выражал свои мысли и желания, хотя, надо отдать ему должное, он никогда не лицемерил и не был ханжой.

Мы часто оцениваем великих художников с позиций мещанской морали, и, подчас, с самыми благими намерениями, искажаем их облик, превращаем живого человека со всеми его недостатками, а иногда и пороками, в сентиментально-благородного театрального героя, обладающего возвышенной душой и соблюдающего все 10 библейских заповедей. Говоря о личной жизни Пушкина, показывая его таким, каким он был на самом деле, я не стремлюсь опорочить его в ваших глазах. Мне хочется обнажить скрытые причины творческого вдохновения поэта, толкнувшие его на создание непревзойденных образцов любовной лирики, показать развитие и формирование его чувственной сферы. Ведь любви в жизни каждого человека принадлежит особое место.

Как сказал Роберт Бернс: «Любви не знавший дуралей достоин сожаленья». Но у разных людей любовь проявляется по-разному. Петрарка, один раз увидев Лауру, затем всю свою жизнь и всю свою поэзию отдал этой страсти. У Пушкина все было иначе. Он много раз влюблялся, и каждый раз под вдохновенным пером поэта рождались глубоко лирические и музыкальные строки, нежные и страстные, возвышенные и чувственные, печальные и задорные, сентиментальные и фривольные.

Мы не должны при этом придавать термину «эротизм» какое-то негативное звучание. Наоборот «эротизм», т. е. необыкновенная чувственность Пушкина, явился неотъемлемой частью его литературного гения, который сформировался, пусть частично, как результат проникновения бессознательных, инстинктивных сексуальных возбуждений в сферу его сознательной жизни. Конечно, в основе творческих процессов лежат не только сексуальные мотивы, однако само название моей работы предполагает освещение именно интимных сторон жизни великого поэта.

Может быть, читатель сочтет эту книгу несколько однобокой и тенденциозной. В этом есть доля правды. Но именно к этому я и стремился – показать в хронологической последовательности весь жизненный путь поэта в сфере его интимных отношений и, в некотором роде, создать психоаналитический портрет человека, чьи высочайшие сексуальные таланты поставили его в один ряд с таким великим соблазнителем, как Казанова.

Моя работа ни в коей мере не претендует на научность, но если она вызовет интерес к жизни поэта, заставит задуматься над многими скрытыми причинами человеческих поступков, побудит читателей подробнее ознакомиться с жизнью и творчеством Пушкина, то я буду считать свою задачу выполненной.

В заключение хочу привести слова барона М. А. Корфа: «...тот, кто даже и теперь еще отважился бы раскрыть перед публикой моральную жизнь Пушкина, был бы почтен чуть ли не врагом отечества и отечественной славы. Все, или очень многие, знают эту жизнь; но все так привыкли смотреть на лицо Пушкина через призматический блеск его литературного величия, и мы так еще к нему близки, что всяк, кто решился бы сказать дурное слово о человеке, навлечет на себя укор в неуважении или зависти к поэту».

Я люблю Пушкина, и поэтому считаю, что любые черты, или даже черточки его личной и интимной жизни, какими бы неприятными они не казались, все же дополняют образ поэта, делают его более близким нам, его далеким потомкам и почитателям.

Глава I

«Могу ль на красоту взирать без умиления...» (Психоанализ характера)

1

Для понимания истоков необыкновенного эротизма поэта необходимо провести анализ его характера, который, как мы уже говорили, тесно связан с его «либидо». Как известно из психоанализа, характер человека является комплексом настроений, с которыми личность противостоит жизненным ситуациям. Далеко не всегда, считает А. Лоуэн, характер отражает объективную реальность, но самое главное в характере то, что он является типичной моделью поведения. С другой стороны, структура характера является единственной формой, в которой всегда функционируют первобытные инстинкты, концентрирующие энергию «либидо».

Структуру характера, по мнению психоаналитиков, можно определить по множеству деталей каждодневного поведения человека. Ее можно вывести из телосложения, телодвижений, поступков и манеры самовыражения. Поэтому в данной главе я попробую на основе анализа оценок характера Пушкина его современниками, друзьями и родными, определить тип характера поэта и его основные структурные элементы, в частности его сексуальные влечения и связанную с ними самолюбивую гордость.

По оценкам современников, характер у Пушкина был страстный, вспыльчивый, порывистый. Он любил карточную игру, был азартен и искал сильных ощущений, особенно в молодости. «Пушкин справедливо говорил мне однажды, – писал в своем дневнике А. Н. Вульф, – что страсть к игре есть самая сильная из страстей». Ум у поэта был злой и насмешливый, тем не менее все знавшие Пушкина считали его образцовым другом. В обществе поэт привлекал к себе обходительным обращением, и если с кем-то подружился, то всегда проявлял дружеские чувства. «Отличительной чертой Пушкина была память сердца; – вспоминал его друг С. А. Соболевский, – он любил старых знакомых и был благодарен за оказанную ему дружбу – особенно тем, которые любили в нем его личность, а не его знаменитость; он ценил добрые советы, данные ему вовремя, не в перебор первым порывам горячности, проведенные рассудительно и основанные не на общих местах, а сообразно с светскими мнениями о том, что есть честь, и о том, что называется честью».

Очень чувствительный к своей родословной, себялюбивый, Пушкин постоянно обижался на тех людей, которые не признавали в нем светского человека. Если он был в центре внимания, если шла обычная беседа, не затрагивающая чувствительные струны поэта, то он казался ровным, веселым, остроумным собеседником, блистающий, как и его отец, и дядя, каскадом шуток, острот, умных и парадоксальных рассуждений. Но стоило кому-нибудь задеть поэта, посмеяться над ним или просто не обратить на него достаточного внимания, как Пушкин резко менялся. Язвительность, пренебрежение сквозили в его дальнейшем отношении к человеку. На прогневившего его бедолагу обрушивались язвительные или уничижительные эпиграммы. Сам любящий посмеяться и подшутить над окружающими его, Пушкин не выносил того же от других.

Пушкин был противоречив в своих поступках и привязанности. Эту черту его верно отметил П. А. Плетнев: «Общество, особенно, где он бывал редко, почти всегда приводило его в замешательство, и от того оставался он молчалив и как бы недоволен чем-нибудь. Он не мог оставаться там долго. Прямоту, также отличительная черта характера его, подстрекало к свободному выражению мысли, а робость противодействовала...

Собою не владел он только при таких обстоятельствах, от которых все должно было обрушиться на него лично. Он почти не умел распоряжаться ни временем своим, ни другою собственностью. Иногда можно было подумать, что он без характера: так он слабо уступал мгновенно силе обстоятельств. Между тем ни за что он столько не уважал другого, как за характер... Пылкость его души и слияние с ясностью ума образовала из него это необыкновенное, даже странное существо, в котором все качества приняли вид крайностей». Эти крайности не только вызывали неприязнь его врагов, но и мягкое осуждение друзей.

«При всем своем добросердечии, – отмечал один из лучших друзей поэта, князь П. А. Вяземский, – он был довольно злопамятен, и не столько по врожденному свойству и увлечению, сколько по расчету; он, так сказать, вменял себе обязанность, поставил себе на правило помнить зло и не спускать должникам своим. Кто был в долгу у него, или кого почитал он, что в долгу, тот, рано или поздно, расплачивался, волею или неволею».

Психика Пушкина уже с детства носила неустойчивый характер. Он мог легко от веселья перейти к крайнему раздражению, и, наоборот, после милой и остроумной беседы наброситься на обидчика с резким выпадом, доходящим до дуэли. Иван Пущин, которого поэт называл: «Мой первый друг, мой друг бесценный», вспоминал о лицейских годах: «Случалось точно удивляться переходам в нем: видишь, бывало, его поглощенным не по летам в думы и чтения, и тут же внезапно оставляет занятия, входит в какой-то припадок бешенства».

Постоянную смену настроения, можно сказать, двойственность душевного состояния поэта отмечали многие его современники. Один из литературных друзей его, барон Е. Ф. Розен, писал: «Пушкин был характера весьма серьезного и склонен, как Байрон, к мрачной душевной грусти, чтоб умерять, уравновешивать эту грусть, он чувствовал потребность смеха; ему не надобно было причины, нужна была только придирка к смеху! В ярком смехе его почти всегда мне слышалось нечто насильственное, и будто бы ему самому при этом невесело на душе». Другой современник поэта вспоминал: «Даже во среди множества людей нельзя было не заметить Пушкина: по уму в глазах, по выражению лица, высказывающему какую-то решимость характера, по едва ли унимаемой природной живости, какого-то внутреннего беспокойства, по проявлению с трудом сдерживаемых страстей».

После выхода из Лицея Пушкин поражал светское общество различными выходками: долгое время после болезни ходил обритый и в ермолке, иногда надевал парик, который снимал в разных местах и обмахивался как веером, привлекая, тем самым, всеобщее внимание. Он начал отращивать длинные ногти – предмет его гордости и постоянной заботы. Постоянно эпатировал высшее общество своей грубостью, ссорился со многими его представителями, имея частые дуэли, которые заканчивались вполне благополучно. Современник поэта И. П. Липранди правильно заметил основную психологическую черту Пушкина: «Самолюбие его было без пределов: он ни в чем не хотел отставать от других... Словом и во всем обнаруживалась африканская кровь его».

Не уступавший никому Пушкин готов был за малейшее неосторожное слово или косой взгляд, отплатить эпиграммой или вызовом на дуэль. «Пушкин всякий день имеет дуэли, – писала Екатерина Николаевна Карамзина князю Вяземскому незадолго до ссылки поэта на Юг, – благодаря бога они не смертоносны, бойцы всегда остаются невредимы». Дуэли сопровождали Пушкина всю жизнь. Нервический характер его, буйство страстей и огромное самолюбие не останавливали его перед опасностью. Поэт постоянно задибался, не внимая советам друзей, не интересуясь умением противника стрелять и, не особо ценя собственную жизнь. По этому поведению Пушкина можно сделать вывод о беспокойной, порывистой природе гения, который не находит в себе центра тяжести между противоположностями того психического дуализма, который свойственен человеку.

Почти каждое движение его было страстное, порывистое, неопределенное от избытка жизненной силы его существа, которой он еще более пленял и увлекал своих современников,

нежели своими сочинениями. Из страстей Пушкина, как писал один из современников поэта, первая, и самая сильная – его чувственная и ревнивая любовь. Даже брак не спас его от страсти к чувственным наслаждениям и от ревности. «Эротизм» Пушкина был исключительным, и нельзя было винить поэта за столь настойчиво и постоянно проявляемую страсть, зато в ревности его не было никакого основания.

С годами его чувственность несколько смягчилась, но ревность постоянно терзала его, являясь спутником его влюбленностей. И если поэт переживал любовь, то почти всегда ревность портила прелесть отношений с возлюбленной. Сексуально страстные люди по большей части страдают и беспричинной ревностью. Поэт испытывал ее муки по всякому ничтожному поводу, а часто и без всякого повода. Так было и в его романах с графиней Е. К. Воронцовой, с Амалией Ризнич, А. П. Керн. С годами муки ревности не оставили его, но и усилились, когда женой его стала молодая прелестница – Наталья Гончарова.

Сестра Пушкина, Ольга Сергеевна Павлищева, писала в письме к мужу: «Брат говорил мне, что иногда чувствует себя самым несчастным существом – существом близким к сумасшествию, когда видит свою жену разговаривающей и танцующей на балах с красивыми молодыми людьми; уже одно прикосновение чужих мужских рук к ее руке причиняет ему приливы крови к голове, и тогда на него находит мысль, не дающая ему покоя, что жена его, оставаясь ему верной, может изменять ему мысленно...». Вся семейная жизнь Пушкина – это история развития вечно возбужденной и мнительной ревности, результат которой так хорошо всем известен.

2

На основании всех известных сведений о манере поведения поэта и его основных чертах характера, можно сделать вывод, что с точки зрения психоаналитика характер поэта носил явно выраженный истерический тип. «Истерической можно назвать личность, – отмечает психоаналитик Отто Фенихель, – склонную вносить элемент сексуальности в любые, даже вовсе не сексуальные отношения, внушаемую, склонную к совершенно непредсказуемым эмоциональным взрывам, к хаотичному, нередко театральному поведению, драматизированию ситуаций».

На истерический тип поведения поэта психологически верно указал его ближайший друг и старший современник: «Нет сомнения, что все истории, возбуждаемые раздражительным характером Пушкина, его вспыльчивостью и гордостью, не выходили бы из ряда весьма обыкновенных, – отмечает П. А. Вяземский, – если б не было вокруг него столько людей... Его выходки много содействовали его популярности...»

Истерическому характеру, как отмечают многие психоаналитики, свойственна ярко выраженная гордость, которая к тому же является как бы ключом к самому характеру. Не менее гордости истерическому характеру свойственно и чувство глубокой обиды, что также отмечали все друзья и современники поэта. Любое не понравившееся поэту слово вызывало в нем взрыв негодования и крайнее недовольство. Иногда обиды и просто оскорбления были реальными. Пушкин резко переживал все это, преследовал своего обидчика, не оставляя его без наказания.

Но главная черта истерического характера – «эротизм» поведения в совокупности с сексуальной агрессивностью. Плотское начало было явно заметно во всех любовных стремлениях поэта. И это не удивительно. Говоря терминами психоанализа у Пушкина было мощнейшее «либидо», т. е. огромное количество подсознательной сексуальной энергии, увеличение или уменьшение которой объясняет все те психосексуальные феномены его интимной жизни, о которых я расскажу далее. Высокое пушкинское «либидо», доставшееся ему от его африканских предков, огромная энергия сексуального возбуждения искала выход в сознательные формы своего проявления. Такими формами проявления «либидо» и явились: с одной стороны «эротизм» поэта, его постоянный поиск сексуального удовлетворения, а с другой стороны – процесс «сублимирования» эротической энергии, при котором, с точки зрения психоанализа, «исключительно сильным возбуждением, исходящим из отдельных источников сексуальности, открывается выход и применение в других областях, так что получается значительное повышение психической работоспособности». (З. Фрейд. «Очерки по психологии сексуальности»).

И если у большинства людей скрытое в бессознательном «либидо» проявляется в менее бурном темпераменте и сублимируется тем более в незначительные творческие потенции, то огромная сексуальная энергия поэта фактически сформировала его характер, взгляды на отношения полов, сопровождала его творчество. Рукописи Пушкина пестрят эротическими рисунками, сопровождающими варианты его стихов с перечеркнутыми строками. Целый сонм женских головок обрамляют колонки его четверостиший и, что особенно интересно, прелестные и стройные женские ножки постоянно присутствуют то здесь, то там, являясь, видимо, сильнейшим стимулом эротических фантазий поэта.

Сексуальная агрессия основана на мощной выработке психической энергии либидо. Именно эта энергия порождает эротизм, как внешнее выражение этой агрессии. Как отмечает крупнейший психоаналитик Вильгельм Райх в книге «Анализ характера», одной из основных черт истерического характера является «агрессивная отвага», зачастую помогающая добиться успеха. С другой стороны, такое «агрессивное поведение само играет роль защиты» от внешних психологических нагрузок.

Истерический характер, по мнению А. Лоуэна, все время находится в поиске все более глубоких чувств. Именно в этом состоит его желание и потребность, толкающие к флирту, к

поиску все новых и новых романов, к внебрачным связям. С точки зрения психоанализа истерическому характеру легко увеличить выработку энергии «либидо»: это получается при любом возбуждении. Самый распространенный путь – через новую любовную связь. При этом возбуждение возрастает как следствие новых переживаний, а ощущение завоевания в новом романе приводит к росту сексуального заряда, увеличению жизненной активности и появлению чувства радости. Но поскольку с ростом заряда способность к разрядке вовсе не увеличивается, то энергия так или иначе должна вернуться на прежний уровень. Возбуждение падает, выработка энергии снижается, новизна нового романа исчезает, нужно искать следующий. Именно этот психический механизм, описанный психоаналитиком А. Лоуэном, лежал в основе всех бесконечных пушкинских увлечений. Пушкин не мог быть другим, и это он прекрасно понимал, подчас глубоко анализируя свои потаенные мысли и причины многих некрасивых поступков в своих письмах и особенно – в своих прекрасных лирических стихотворениях.

3

В 1826 году, возвратившись из ссылки, Пушкин написал, вернее даже не закончил, небольшую миниатюру, одно из немногих стихотворений, где он выражает истинные свои чувства и взгляды:

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиления,
Без робкой нежности и тайного волнения.

Пушкин сказал о себе правду. Ни у кого из поэтов не выражены с такой силой тоска по женской любви, так глубоко не описаны «муки и радости», причиняемые женской любовью. Любовные мотивы звучат в его поэзии постоянно. Уже десяти лет Саша Пушкин увлекся еще более юной Сонечкой Сушковой. Позднее он писал о своей «ранней» любви:

Подруга возраста златого,
Подруга красных детских лет,
Тебя ли вижу, взоров свет,
Друг сердца, милая.....?

Даже рукописи поэт не доверил своей нежной сердечной тайны. За «ранней» и «первой» любовью последовали в стремительном темпе вторая, третья и т. д. В одном из писем к княгине В. Ф. Вяземской поэт писал: «Натали, это, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь». В своих дневниках Пушкин замечает: «Более или менее я был влюблен во всех хорошеньких женщин, которых знал. Все они изрядно надо мной посмеялись; все, за одним-единственным исключением, кокетничали со мной». Пушкин потерял счет своим увлечениям, то глубоким и мучительным, то несерьезным и легкомысленным. Любовь к женскому телу, женской ласке, женскому обаянию была всегда верной спутницей его жизни до самой могилы. Иногда она оставляла его, но ненадолго, лишь для того, чтобы вспыхнуть с новой силой – «и сердце вновь горит и любит – оттого, что не любить оно не может» – писал Пушкин в самом проникновенном своем стихотворении.

Большинство увлечений поэта носило легкий и чисто сексуальный характер. И лишь некоторые заставляли трепетать его сердце, соединяя грубую чувственность с возвышенной поэзией. Вот что писал о нем его брат Лев Сергеевич: «Невзирая на обычную веселость, Пушкин предавался любви со всею ее задумчивостью, со всею ее унынием. Предметы страсти менялись в пылкой душе его, но сама страсть не оставляла». А княгиня Вера Федоровна Вяземская, большой друг поэта, которую он посвящал во все подробности своей интимной жизни, вспоминала: «Пушкин говаривал, что, как скоро ему понравится женщина, то уходя, или уезжая от нее, он долго продолжает быть мысленно с нею и в воображении увозит с собою, сажает ее в экипаж, предупреждает, что в таком-то месте будут толчки, одевает ей плечи, целует ей руки и т. д.».

«Пушкин очень любил легкий флирт, – отмечает П. К. Губер, – ни к чему не обязывающий обе стороны. Но когда ему не удавалось удержать нарождающееся чувство в должных границах, когда любовь приходила не на шутку, она обычно протекала, как тяжелая болезнь, сопровождаемая бурными пароксизмами. Ему нужно было физическое обладание, и он подчас готов был буквально сойти с ума в тех случаях, когда женщина оставалась недоступной».

Сколько их прошло через его руки, один бог знает? В коллекции Пушкина нашлось место и знатым дамам и крепостным актрисам, бесстыжим блудницам и совращенным девственницам, мамашам под сорок лет и их юным дочерям, знакомым и малознакомым женщинам, родственницам, ветреным барышням, женам его лучших друзей и т. д. Постоянные любовные упражнения и, в особенности, частые посещения публичных домов привели к тому, что ко времени своей женитьбы он выглядел, по словам Полевого, «истощенным и увядшим»... Вот что пишет о моральном облике поэта барон М. А. Корф, лицейский товарищ Пушкина: «Начав еще в Лицее, он после, в свете, предался всем возможным распутствам и проводил дни и ночи в непрерывной цепи вакханалий и оргий, с первыми и самыми отъявленными тогдашними повесами. Должно удивляться, как здоровье и самый талант его выдерживали такой образ жизни, с которыми естественно сопрягались частые любовные болезни, низводившие его не раз на край могилы... У него были только две стихии: удовлетворение плотским страстям и поэзия, и в обеих он ушел далеко».

Немного резкое высказывание, и даже можно усомниться в его истинности. Но дадим слово самому поэту. Вот что он пишет в послании к Юрьеву:

Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и бордель,
Где с громким смехом сладострастье
Ведет нас пьяных на постель.

Это написано в 1819 году. Пушкину двадцать лет. Через пять лет, в 1824 году в письме к своему тверскому приятелю и сотоварищу по любовным похождениям Алексею Вульфу он пишет:

Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же – то мертвецки пьяны,
То мертвецки влюблены.

В 1828 году, в почти тридцатилетнем возрасте, он признался в письме к Е. М. Хитрово: «Хотите, я буду совершенно откровенен? Может быть, я изыщен и благовоспитан в моих писаниях, но сердце мое совершенно вульгарно и наклонности у меня вполне мещанские...» (август-октябрь, 1828 год).

«Вечно без копейки, вечно в долгах, – отмечал все тот же барон М. А. Корф, – иногда без порядочного фрака, с беспрестанными историями, с частыми дуэлями, в тесном знакомстве со всеми трактирщиками, б... и девками, Пушкин представлял тип самого грязного разврата». Барон Корф был лицейским товарищем поэта, человеком чопорным и религиозным. Оценка его несколько резкая, но достаточно правдивая. Дело в том, что поведение Пушкина было самым обычным на фоне забав и разгула светской и гусарской «золотой» молодежи и полностью соответствовало его характеру. Агрессивный эротизм поэта можно полностью объяснить, используя исследования современного американского психоаналитика А. Лоуэна, изложенные в книге «Язык тела».

Мужчина с истерическим характером (по терминологии А. Лоуэна – фаллически-нарциссическим) считает себя половым гигантом, потому что способен за одну ночь иметь несколько коитусов и разрядок. Однако половая разрядка у него наступает быстрее, чем поступает энергия в пенис. Иными словами, истерик, не достигая максимума удовлетворения при оргазме, зачастую почти не получает наслаждения от своих сексуальных переживаний и усилий.

Именно по этой причине истерический мужчина стремится завоевать как можно больше женщин. «Поскольку сексуальное удовлетворение неполно, – тонко подмечает А. Лоуэн, – возникает ощущение недовольства именно данной партнершей и надежда – осознанная или бессознательная, – что с новой партнершей наслаждение будет сильнее и полнее. В приливе возбуждения, вызываемого процессом завоевания нового “объекта” и новыми взаимоотношениями, это действительно может произойти. Но как только исчезает новизна, возбуждение, а с ним и сексуальное наслаждение падает, все возвращается на круги своя, роман заканчивается. Процесс этот, проходящий на генитальном уровне, типичен. Фаллический мужчина, не находя полного удовлетворения ни на каком уровне деятельности, вынужден идти дальше по пути новых романов и завоеваний».

Отличительным свойством истерического характера является не только откровенная сексуальность поведения, но и особая телесная ловкость, также имеющая сексуальный оттенок. Как бы подтверждая это, П. В. Анненков описывает физическую структуру поэта следующим образом: «Физическая организация молодого Пушкина, крепкая, мускулистая и гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражнениями. Он славился как неутомимый ходок пешком, страстный охотник до купанья, до езды верхом, и отлично дрался на эспадронах, считаясь чуть ли не первым учеником известного фехтовального учителя Вальвиля».

Один из современников поэта, лицейский товарищ Пушкина, В. П. Горчаков в 1820 году дает аналогичную характеристику: «... молодой человек небольшого роста, но довольно плечистый и сильный, с быстрым и наблюдательным взором, необыкновенно живой в своих приемах, часто смеющийся в избытке непринужденной веселости, и вдруг неожиданно переходящий к думе, возбуждающей участие».

А вот как описывает одного своего пациента с фаллическим (истерическим) характером все тот же А. Лоуэн: «Он был чуть ниже среднего роста, худой, довольно жилистый и выносливый. Лицо тоже худое, с напряженным внимательным взглядом живых глаз. Движения быстрые, целенаправленные и решительные, что свидетельствовало о хорошей энергетической заряженности. На усталость он не жаловался. Невзирая на внешнюю худобу, мышцы отличались развитостью и хорошим тонусом, благодаря чему тело не производило впечатления астеничного. Он постоянно возбужден в сексуальном отношении и в каждой женщине видит возможный сексуальный объект».

Не правда ли, описание физической структуры поэта полностью совпадает с внешними данными человека, чей характер установлен психоаналитиками как истерический (фаллически-нарциссический)?

4

В основе истерического типа поведения лежит, по словам другого крупнейшего психоаналитика В. Райха, «задержка развития ребенка на генитальной фазе, усугубленная привязанностью, граничащей с инцестом». Толкование Райха можно считать классическим, основанным на Фрейдовской теории развития сексуальности. Фрейд считал, что в детском возрасте сексуальная энергия человека направлена прежде всего на окружающих его людей (мать, сестру, няню). А так как эти влечения подсознательно ограничиваются, т. е. возникает запрет на инцест (половая связь с родителями и близкими родственниками), а иногда и практически подвергаются осуждению со стороны взрослых, то у ребенка возникает психическая напряженность. Необходимо разрешить проблему «инцестуальной» привязанности. А поскольку проблема такой привязанности, как мы увидим в дальнейшем, в нужное время не разрешилась, то любовные устремления Пушкина разделились на две, несовместимые в одном мозгу эмоции: нежные чувства (влюбленность) и чувственность («эротизм» поведения). «Истерический характер, – отмечает А. Лоуэн, – не способен ни в какой степени связать эти две эмоции в единое чувство, направленное на одного человека».

«Любовь, как проникновение в духовный облик другого существа, – отмечал известный пушкиновед Л. Гроссман, – глубоко сочувственное овладение этим сложным миром, полное слияние с ним и радость общего бытия в единстве внутренних переживаний, такое чувство было чуждо Пушкину. Любви в этом смысле он вероятно никогда не знал... Обычно он испытывал лишь страсть и ревность, но оба эти состояния переживал необычайно интенсивно и бурно». В Пушкине удивительным образом сочетались страстная любовь к женским прелестям и презрительное отношение к женщине как к существу низшему в умственном и духовном отношении. Серьезные разговоры о политике, поэтические споры, душевные беседы – все это поэт дарил своим друзьям, но никогда своим подругам. «Нельзя довольно оценить наслаждение быть с ним часто вместе, размышляя о впечатлении, которое возбуждается в нас его необычайными дарованиями», – пишет декабрист А. Муханов своему брату. И далее продолжает: «Он стократ занимательнее в мужском обществе, нежели в женском».

Эту особенность характера поэта отметила в своих воспоминаниях А. П. Керн: «Трудно было с ним вдруг сблизиться, он был неровен в обращении: то шумно весел, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен; и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту... Вообще же надо сказать, что он не умел скрывать своих чувств, выражал их всегда искренно и был неописуемо хорош, когда что-либо приятно волновало его. Когда он решался быть любезным, то ничего не могло сравниться с блеском, остротой и увлекательностью его речи. Сам добрый, верный в дружбе, независимый, бескорыстный, живо воспринимая добро, – отмечает Анна Петровна, – Пушкин, однако, как мне кажется, не увлекался им в женщинах: его гораздо более очаровывало в них остроумие, блеск и внешняя красота. Кокетливое желание ему понравиться не раз привлекало внимание поэта гораздо более, чем истинное чувство им внушенное. Пушкин скорее очаровывался блеском, чем достоинством и простотой в характере женщин. Это, естественно, привело к его невысокому о них мнению, бывшем совершенно в духе того времени». Отношения Пушкина с женщинами лучше всего прослеживаются в его переписке с представительницами прекрасного пола того времени.

Мы еще проследим за всеми перипетиями любовной жизни поэта, отраженной и в его переписке, и в заметках его современников, и в письмах его друзей. Как отмечал Л. Гроссман, наследие европейской эротики XVIII века заметно влияло на интимный быт русского культурного дворянства. Знаток и ценитель этих традиций «галантного века», Пушкин постоянно дополнял романтические чувства своих прелестных возлюбленных, почерпнутые из «Новой Элоизы» Руссо, техникой холодного волокитства из «Опасных связей» Шодерло де Лакло.

«Чувство только дополнение к темпераменту», писал он полюбившей его Анне Вульф, которая из общения с ним выносит впечатление, что он «опасный человек», не стоящий искреннего увлечения. Переписка Пушкина действительно подтверждает, что женщина с ранней юности получила для него значение только как возбудительница сексуальных влечений. Под конец жизни, в 1836 году, Пушкин давал юному князю Павлу Вяземскому своеобразные уроки, убеждая его «в важном значении для мужчины способности приковывать внимание женщин». «Он учил меня, – вспоминает князь, – что в этом деле не следует останавливаться на первом шагу, а идти вперед, нагло, без оглядки, чтобы заставить женщин уважать вас... Он постоянно давал мне наставления об обращении с женщинами, приправляя свои нравоучения циническими цитатами из Шамфора».

Вспомните «Евгения Онегина», где Пушкин выразил всю свою философию неисправного соблазнителя в известных всем строках:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей,
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.

Знаменитый поэт, увлекательный собеседник, сопровождаемый громкой литературной славой и интригующей репутацией «цинического волокиты», он, видимо, производил на женщин – особенно в последнее десятилетие своей жизни – совершенно неотразимое впечатление. Некоторые строки из писем к нему Анны Вульф, П. А. Осиповой или Е. М. Хитрово свидетельствуют об их глубоком и трогательном чувстве, готовом все понять и все простить. Но сам поэт относился обычно довольно легко к этим проявлениям сердечной привязанности. И это вполне объясняется истерическим характером поэта, чья сексуальность не захватывала всего организма, а ограничивалась лишь гениталиями. В такой личности всегда обнаруживается разлад между любовью, нежными чувствами и просто половыми желаниями.

Люди с расщепленным любовным чувством, по мнению Фрейда, обязательно должны унижать половой объект. Только при условии такого унижения может свободно проявляться чувственность мужчины; при этом резко увеличивается половая активность и возникает сильное чувство наслаждения. Любовь, как отмечал тот же Л. Гроссман, была для Пушкина только сферой острых эротических переживаний и несколько отвлеченным материалом для великолепных лирических стихотворений. Но любви в простом человеческом смысле ему, по-видимому, никогда не пришлось испытать. Романтика чувства исключалась его насмешливым скептицизмом. Так, графиню Воронцову он видит в цинических «36 позах Аретино», А. П. Керн для него – «вавилонская блудница», Анна Вульф – смешная провинциалка, Елизавета Михайловна Хитрово – сладострастная Пентефрейха.

Презрение к женщине было вызвано чисто психологическим фактором, оно имело «инцестуальное» происхождение, особенно когда дело касалось сексуальных отношений и поэзии, двух главных структур пушкинского «либидо». С одной стороны он воспевал любовь к женщине, стремился к нам постоянно, с другой боялся их, не пуская в святая святых своего «Я» – поэтическое творчество.

Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Не чисто в них воображенье:
Не понимает нас оно,
И, признак Бога, вдохновенье
Для них и чуждо и смешно.

Когда на память мне невольно
Придет внушенный ими стих,
Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мне стыдно идиолов моих.

В эстетическую тонкость восприятия поэзии со стороны женщин Пушкин не верил. В статье «Отрывки из писем, мысли и замечания» поэт писал: «Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью, самую раздражительную, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи, самые естественные, расстраивают меру, уничтожают рифму. Вслушайтесь в их суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... исключения редки». Поэт не хотел впускать женщин в свой духовный мир. Он боготворил в них только способность удовлетворения его эротических запросов. Идеал женщины для Пушкина – наложница гарема, подчиненная мужчине и готовая в любую минуту удовлетворить его прихоть.

Умна восточная система,
И прав обычай стариков:
Они родились для гарема
Иль для неволи теремов.

И, несмотря на это, Пушкин вызывал у женщин ответное чувство, а иногда и просто влюблял их в себя, сам оставаясь равнодушным.

«Женщинам Пушкин нравился, – вспоминает брат поэта, – он бывал с ними необыкновенно увлекателен и внушил не одну страсть на веку своем. Когда он кокетничал с женщиной или когда был действительно ею занят, разговор его становился необыкновенно заманчив». Его друг по амурным похождениям в Тригорском, Алексей Николаевич Вульф, верно отмечает какую-то бесовскую привлекательность поэта. «Пушкин говорит очень хорошо; пылкий проныцательный ум обнимает быстро предметы; но эти же самые качества причиной, что его суждения об вещах иногда поверхностны и односторонни. Нравы людей, с которыми встречается, узнает он чрезвычайно быстро: женщин же он знает, как никто. Оттого, не пользуясь никакими наружными преимуществами, всегда имеющими большое влияние на прекрасный пол, одним блестящим своим умом он приобретает благосклонность одного». С одной стороны, он увлекал их блеском своего ума, веселостью, непринужденностью в разговоре, остроумием и какой-то особенной вдохновенностью выражения своих мыслей. С другой стороны, страстность его чувств, какая-то сексуальная агрессия, чувственность самца, видимо, нравилась женщинам. В 1820 году Пушкин писал о себе в письме к Юрьеву:

А я, повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный,
Взращенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний.

Пушкин сам признавал свою некрасивость, а другие еще более отмечали ее. «Лицо его было, конечно, выразительно, – пишет А. А. Оленина, к которой поэт сватался в 1828 году, – но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден был в его голубых, или лучше сказать, стеклянных глазах его... Да и прибавьте к этому ужасные бакенбарды, растре-

паннные волосы, ногти, как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взгляд на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава природного и принужденного и неограниченное самолюбие».

А вот что записала в своем дневнике в 1836 году графиня Д. Ф. Фикельмон: «... невозможно быть более некрасивым – это смесь наружности обезьяны и тигра; он происходит от африканских предков и сохранил еще некоторую черноту в глазах и что-то дикое во взгляде».

Но поэт был настолько очарователен с женщинами, что многие находили его внешне привлекательным и даже красивым. Молодая провинциалка Синицына Е. Е. восхищенно писала: «Пушкин был очень красив; рот у него был очень прелестный, с тонко и красиво очерченными губами, и чудные голубые глаза. Волосы у него были блестящие, густые и кудрявые, как у мерлушки, немного только подлиннее».

Также характеризует внешность поэта жена его московского друга В. А. Нащокина: «Пушкин был невысок ростом, шатен, с сильно выющимися волосами, с голубыми глазами необыкновенной привлекательности. Я видела много его портретов, но с грустью должна сознаться, что ни один из них не передал и сотой доли духовной красоты его облика – особенно его удивительных глаз. Это были особые, поэтические задушевные глаза, в которых отражалась вся бездна дум и ощущений, переживаемых душою великого поэта. Других таких глаз я во всю мою долгую жизнь ни у кого не видала».

По-разному виделся Пушкин женщинам, по разному и привлекал их. Он был как Протей, постоянно меняющийся, непостоянный, неверный, переходящий от пылкой влюбленности к пошлым ухаживаниям, от истинно «петрарковской», благородной страсти к самому низменному разврату. Как-то в минуту веселости в кругу прелестных сестер Ушаковых, которые не раз посмеивались над влюбчивостью поэта, он набросал в альбом младшей сестры, Елизаветы Николаевны, перечень женских имен, как бы подсчитывая свои сердечные увлечения. Этот перечень пушкиноведа метко называли «Донжуанским списком». Много усилий было предпринято, чтобы сопоставить имена этого списка с реальными возлюбленными поэта.

Список распадается на две половины, помещенные в разных местах альбома.

Вот имена первого списка:

Наталья I, Катерина I, Катерина II, NN, кн. Авдотья, Настасья (?), Катерина III, Аглая, Калипсо, Пульхерия, Амалия, Элиза, Евпраксия, Катерина IV, Анна, Наталия

А вот имена второго списка:

Мария, Анна, Софья, Александра, Варвара, Вера, Анна, Анна, Анна, Варвара, Надежда, Аграфена, Любовь, Ольга, Евгения, Александра, Елена.

Судя по всем данным, оба перечня были написаны в конце 1829 года, после возвращения Пушкина из Арзрумского путешествия. В первом списке запечатлены более глубокие, запомнившиеся поэту увлечения, о которых он иногда вспоминал с улыбкой горечи и страдания. Зато второй список пестрит именами, внушившими поэту иное чувство, легкое, поверхностное, задевающее душу не так сильно. Исследователи полагают, что имена в этом списке располагаются в хронологическом порядке, хотя и не вполне строгом. Пушкин не только любил женщин, он любил говорить о них, подчас бывая нескромным в своих откровениях. Но благодаря этой черте его характера мы имеем возможность проследить его сердечные увлечения и понять причины такой сексуальной агрессивности.

5

Из вышесказанного следует, что Пушкин был явным невротиком. Истерический характер его проявлялся во всех его поступках и, особенно, в отношениях с женщинами. Кажущаяся непоследовательность поэта, его двойственная оценка слабого пола, подчас диаметрально противоположные взгляды на любовь – все это объясняется в результате психоаналитического анализа характера, проведенного простым сравнением фактов жизни поэта и фактов, полученных крупнейшими психоаналитиками мира в процессе лечения больных. В той же книге «Очерки по психологии сексуальности» Зигмунд Фрейд дает результаты психоанализа сексуальных влечений людей с истерическим характером. Вот что он пишет: «В истеричном характере наблюдается некоторая доля сексуального вытеснения, выходящего за пределы нормального, повышения сопротивлений против сексуального влечения, известных нам, как стыд, отвращение, мораль, и как бы инстинктивное бегство от интеллектуальных занятий сексуальной проблемой, имеющее в ярко выраженных случаях следствием полное незнакомство с сексуальным вплоть до достижения половой зрелости».

Однако, эта черта истерического характера, ответственная за «романтический» идеал, который всю жизнь волновал поэта, и который он как бы нашел в Наталье Гончаровой, глубоко скрыта и недоступна для наблюдения. Она проявляется больше подсознательно, сублимируясь в виде поэтических образов, и как бы перебивается другим сильно развитым фактором истерии – «слишком сильно развитым сексуальным влечением». В результате истерический характер внешне выражается в той сумме бурных, несообразных, подчас грубых, иногда непонятных, но всегда эпатазирующих общество поступках. Основа этих поступков – дуальное существование противоположной пары: «слишком сильной сексуальной потребности и слишком далеко зашедшим отрицанием сексуального. Истерический характер поэта, воспитанный на «эротической» культуре XVIII века и патриархальных отношениях русского барства, постоянно проявлял себя как неустойчивый, взрывной и нервный. Для этого типа характера осознание сексуальности возможно только в двух вариантах: сексуальная агрессия или романтическая любовь. Невроз Пушкина состоял в антагонизме двух проявлений одного и того же импульса.

Если попытаться добраться до сердца истерического характера, мобилизовать глубоко упрямое чувство любви наткнешься на преграду. Видимо, поэтому мало кто мог понять истинную сущность поэта. Поступки его были часто отвратительны, какая-то неуживчивость терзала поэта. Он постоянно ссорился с отцом, дрался на дуэлях, был не в ладах с правительством, даже друзья терпели от него, и, как бы понимая внутреннюю противоречивость поэта, прощали ему нехорошие поступки. Женщины также его любили и прощали, несмотря на его полупрезрительное и полувосхищенное к ним отношение. Но, кажется, только сам поэт понимал свой характер. Противоречивость его лиры – яркое доказательство этого.

Глава II

«Везде со мною образ твой...» (Детство)

1

Необыкновенная эротичность Пушкина явилась результатом взаимодействия многих факторов, как наследственного плана, так и связанных с характером его воспитания, взаимоотношений с родителями и с окружающими его людьми. Многие исследователи отмечали, да и сам Пушкин об этом говорил, что африканская кровь поэта создала его столь бурный темперамент. Роль наследственных факторов в формировании психической структуры человека очень велика. Еще Фрейд сделал вывод, что «конечная форма сексуальной жизни является прежде всего результатом врожденной конституции». (З. Фрейд. «Очерки по психологии сексуальности»).

Чтобы понять истоки взрывного Пушкинского характера, его беспокойного нрава и вечной жажды наслаждения – необходимо познакомиться с ближайшей генеалогией поэта, с историей жизни его предков, родителей и ближайших родственников. Предки поэта, как со стороны отца, так и стороны матери отличались твердым характером, граничащим с непослушанием, крутостью нрава, бурным темпераментом, необыкновенной смелостью, энергией, проявляли творческую одаренность в различных областях тогдашней русской жизни. Бояре Пушкины занимали крупные посты, участвовали в походах Ивана Грозного, служили воеводами, наместниками, послами. Таланты их, однако, сочетались с неустойчивостью психики, что часто бывает у людей, чья большая внутренняя сексуальная энергия преобразуется в активную творческую деятельность.

Так прадед поэта Александр Петрович Пушкин «был женат на меньшей дочери графа Головина, первого андреевского кавалера, – писал в своей Родословной поэт. – Он весьма молод, и в припадке сумасшествия зарезал свою жену, находившуюся в родах». Его сын, дед поэта, Лев Александрович, был человеком «пылким и жестоким», как отзывался о нем его знаменитый внук. «Первая жена его, – рассказывает в своей автобиографии Пушкин, – урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем ее сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе».

Вторым браком Лев Александрович женился на Ольге Васильевне Чичериной, в результате чего появились на свет Сергей Львович Пушкин – отец поэта и Василий Львович – дядя поэта или, как его назвал великий племянник, «Парнасский мой отец». Сыновья не пошли по пути своих предков, они не стали военными. Пушкинское семейное «либидо» направило их энергию к литературным начинаниям. Стихотворное искусство стало любимым занятием молодых людей. И если Василий Львович стал профессиональным поэтом, печатался в различных изданиях, то Сергей Львович, продолжая до глубокой старости писать стихи, оставался равнодушным к славе стихотворца.

Оба брата были богаты, беззаботны, мало занимались управлением своих имений, постоянно нуждались в деньгах. Василий Львович сначала был женат на красавице К. Вышеславцевой, затем развелся с ней и сошелся с «вольноотпущенной девкой», с которой жил до старости и от которой имел «незаконных детей». Как отмечает В. Вересаев в своей книге «Спутники Пушкина»: «Василий Львович блистал в салонах, был душой общества, был неистощим в каламбурах, островах и тонких штуках... В непрерывных посещениях балов, раутов, обедов, лите-

ратурных собраний, в участии в любительских спектаклях и шарадах проходила вся жизнь Василия Львовича». Он был легкомыслен, доверчив и наивен, хотя внешне выглядел солидно, всегда модно одевался и старался поразить светское общество своими стихами. Он просто обо-жал читать стихи перед публикой, пользуясь каждым удобным случаем. Пушкин относился к дяде несколько снисходительно, постоянно подтрунивая над ним в своих письмах к друзьям, называя его «посредственным» и «глупым».

Отец поэта, Сергей Львович, был по словам П. И. Бартенева: «человек пылкого, несколько раздражительного нрава, отличался светской любезностью, блестящим по своему времени образованием, сценическим искусством, каламбурами, словом, имел все достоинства и недостатки того легкого французского воспитания, которое получали достаточные русские дворяне в конце прошедшего столетия. Быстрота в переходе от одних ощущений к другим, пылкость и легкость характера, и острота ума, без сомнения перешли в наследство к сыну».

Как и его брат Василий Львович, отец поэта был «душою общества, неистощим в каламбурах, острогах и тонких шутках. Он любил многочленные собрания, был известен, как остряк и человек необыкновенно находчивый в разговорах. Владея в совершенстве французским языком, он писал на нем стихи так легко, как француз, и дорожил этой способностью. Чрезвычайно любезный в обществе, он торжествовал особенно в играх, требующих беглости ума и остроты, и был необходимым человеком при устройстве праздников, собраний и особенно домашних театров». Сергей Львович был прекрасный актер и декламатор, мастерски читал, особенно Мольера. Как отмечает В. В. Вересаев: «Жизнь представлялась Сергею Львовичу лугом удовольствий, а дворянин – мотыльком, которому предназначено порхать по оному лугу и пить цветочный сладкий сок».

У обоих братьев не было времени заниматься делами своих имений. Они относились к хозяйственной деятельности равнодушно. Вот почему вся их жизнь, проведенная в беготне за высшим светом и модными течениями, в толкотне людской и в пересудах слышанного и виденного, оставила их под конец материально и умственно разбитыми и несостоятельными.

С другой стороны, Сергей Львович был крайне скуп, фальшив, равнодушно относился к детям, был слезлив, сентиментален и отличался склонностью к молодым девицам, особенно в старости. «Он влюблялся направо и налево, – писал о нем В. В. Вересаев, – влюблялся даже в десятилетних девочек, писал возлюбленным длинные стихотворные послания, пламенил надеждами, лил слезы отчаяния». В Петербурге Сергей Львович ухаживал даже за Анной Петровной Керн, писал ей страстные любовные послания, что не мешало ему влюбиться в ее молоденькую дочь Катю и совершать различные безумства.

2

Со стороны матери в Пушкине текла негритянская кровь. Надежда Осиповна Пушкина, урожденная Ганнибал, была по отцу внучкой знаменитого Ибрагима – Арапа Петра Великого, который ребенком был похищен в Эфиопии, затем продан в рабство и, наконец, подарен русскому царю.

«Отец Ибрагима Ганнибала, – пишет проф. Д. Н. Анучин, – был владетельным князем в северной Абиссинии и имел резиденцию на абиссинском плоскогорье, в Логоне. У этого князя была большая семья, много жен и детей, целый сераль. Прадед Пушкина был одним из младших сыновей этого князя, находившегося уже в преклонных летах; он пользовался, по-видимому, особенною любовью своего отца, что могло вызвать зависть в старших братьях (от других жен), которые и нашли случай от него избавиться. Случай этот был вызван необходимостью уплаты туркам дан или представления заложников; братья воспользовались, вероятно, этим обстоятельством и обманным способом доставили Ибрагима (по-абиссински – Абраама) в турецкий пост Аркико, продали его там (или отдали взамен части дани в заложники) туркам, которые посадили его в лодку и повезли на корабле в Константинополь и, как мальчика княжеского происхождения, представили во дворец к султану. Любимая, сопровождавшая Ибрагима сестра, пыталась избавить брата от этой участи, но безуспешно; тогда в отчаянии она бросилась в море и утонула.

Тип абиссинцев, – рассказывает далее антрополог, – воспринял в себя, несомненно, семитскую примесь, как с другой стороны и примесь крови негров, но в массе населения он является своеобразным, занимающим как бы среднее положение между семитским, – и негритянским. Эта своеобразность типа оправдывает выделение абиссинцев совместно с соседними народностями в особую антропологическую расу, которой обыкновенно теперь придают название хамитской. Основываясь на серии портретов северных абиссинцев, мы можем воссоздать до известной степени тип Ибрагима Ганнибала. Это был, по всей вероятности, довольно рослый, темнокожий, шоколадного цвета субъект с черными курчавыми волосами, удлиненным черепом, овальным сухим лицом, высоким лбом без заметных выступов над бровями, слабою растительностью на лице, черными глазами, полными, толстоватыми губами и, может быть, несколько широким, но все-таки не негритянским носом».

Генерал-аншеф Абрам Петрович Ганнибал прожил жизнь интересную, бурную, полную опасностей и перемен. Он проявил себя как секретарь Петра, как участник многих известных сражений, как военный математик, учившийся во Франции, педагог, строитель крепостей. Это был умный, одаренный человек, с бурным темпераментом и южной необузданностью.

Не только его служебная, но и семейная жизнь была крайне бурной. В конце 1730 года Ганнибал влюбляется в красивую девушку-гречанку и женится на ней, несмотря на протесты последней. Она покорилась, но до свадьбы отдалась своему любимому – поручику Кайсарову.

«Спустя месяц после свадьбы, – пишет Б. Л. Модзалевский в своей биографии Пушкина, – Ганнибал был командирован Минихом в Пернов – учить кондукторов математике и черчению. Евдокия вскоре стала изменять нелюбимому мужу, увлекшись одним из кондукторов, Яковом Шишковым. С этого времени между супругами началась тяжелая семейная драма, окончательно завершившаяся формальным разводом лишь через одиннадцать лет. Ганнибал подал жалобу в перновскую канцелярию, что Шишков и жена хотели его отравить. К жене он приставил надежный караул и неоднократно брал ее к себе, в свои покои. Там в стены, повыше роста человеческого, ввернуты были кольца. Туда вкладывались руки Евдокии, и ее тело повидало на воздухе. В комнате заранее приготовлены были розги, батоги, плети, и муж “бил и мучил ее смертельными побоями необычно”, принуждая, чтобы она на суде при допросах показала, будто “с кондуктором Шишовым хотела его, Ганнибала, отравить, и с ним, Шишовым,

блуд чинила». При этом, в случае, если она покажет не по его желанию, «грозил ее, Евдокию, убить». После таких внушений в канцелярии Евдокия все показала по желанию мужа, чтобы только вырваться из его рук. Тем не менее, в течение месяца она жила у мужа, и только тогда взята была в канцелярию. Ее посадили на госпитальный двор, куда обыкновенно заключались осужденные. Там, под крепким караулом, провела она пять лет. На содержание арестованных никто не обращал внимания, и арестанты Госпитального двора питались или на средства родных, или на доброхотные подаяния христолюбцев. На содержание Евдокии Андреевны муж ничего не давал и сам нарочно затягивал дело, чтобы подольше продержать ее под караулом».

Позже он заключил ее в сумасшедший дом и начал дело о разводе. Не дождавшись решения суда, неистовый абиссинец сошелся с Христиной Шенберг, от которой имел детей, среди которых был Осип Абрамович, дед поэта. Двоеженство сошло Ибрагиму с рук, и в конце концов второй брак был утвержден.

Его второй сын Осип Абрамович так же отличался пылким и необузданным нравом. «Африканский характер моего деда, – писал Пушкин, – пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекали его в удивительные заблуждения». В 1773 году он женился на 28-летней девушке, Марии Алексеевне, бабушке поэта. Однако даже после рождения дочери Нади он уезжает из дома, нисколько не заботясь о семье. Увезя с собой малолетнюю дочь, Осип Абрамович принудил жену отказаться от претензий к его возвращению. «Я решилась более вам своею особою тяготы не делать, а расстаться навек и вас оставить от моих претензий во всем свободна, – писала молодая женщина мужу, – только с тем, чтобы дочь наша мне отдана была».

Вскоре он снова женится, представив поддельное письмо о смерти первой жены. Однако сожителство их продолжалось недолго: супруги были разлучены по приказу церкви, и на Осипа Абрамовича посыпались жалобы от обеих жен: Мария Алексеевна возбудила дело о двоеженстве мужа, а Устинья Ермолаевна, вторая жена, о растрате полученных от нее денег. Незаконный брак был расторгнут, а двоеженец сослан по приказу императрицы Екатерины.

«Полуэфиопские замашки Ганнибаловщины, – отмечает А. Тыркова-Вильямс, – как звали в Псковском крае потомков Абрама и при жизни поэта, и еще несколько десятилетий после его смерти, изумляли и потешали псковичей своей бурной дикостью».

Ганнибалы, как и Пушкины, не отличались семейными добродетелями. Нравы XVIII века были дики. Крепостная среда поощряла распущенность, предоставляя помещикам возможность безнаказанно развратничать со своими крепостными, почти не ограничивала разгул их страстей, доходящих иногда до полной свирепости. Потомки «Арапа Петра Великого» унаследовали все его особенные качества горячего абиссинца, необыкновенную конституцию, полную энергии, страсти и необузданности.

Эта бурная энергетика передалась также и матери поэта, Надежде Осиповне, которая получила в наследство и несколько желтоватый цвет кожи. Она была хороша собой, с тонким негритянским профилем и вьющимися черными волосами. В свете называли ее «прекрасная креолка». Благодаря усилиям своей матери, Марии Алексеевны, которая самостоятельно вела хозяйство, она получила первоклассное воспитание, в совершенстве овладела французским языком. Благодаря ему отчасти, она познакомилась с образованным и приятным в обращении офицером, будущим отцом поэта. Переехав жить в Москву, она блистала на балах, очаровывая общество красотой, остроумием, веселостью.

Однако, окруженная с детства угодливостью, потворством и лестью окружающих, капризная и избалованная, она в замужестве приобрела «тот оттенок вспыльчивости, упорства и капризного властолюбия, который принимали за твердость характера». Психика ее была неустойчива, вспышки сильного гнева и кропотливой взыскательности переходили к полному равнодушию и апатии относительно всего происходящего вокруг. Надежда Осиповна была властна и взбалмошна, как и ее предки. Муж находился у нее под каблуком. Так же как и Сергей Львович, она питала глубочайшее отвращение ко всякому труду. Домашним хозяйством

почти не занималась, к детям относилась довольно равнодушно, а иногда и деспотично. Литературные увлечения и умные беседы в семье формировали отец и дядюшка Василий Львович, жизнь Надежды Осиповны проходила между светскими удовольствиями и частыми беременностями. Как известно, из восьми родившихся детей выжили только трое – Александр, его брат Лев и сестра Ольга.

Из небольшого этого очерка о предках поэта мы видим, что мощное творческое начало, талант стихотворца, резвость натуры, живой ум, обаяние, оригинальность мышления – все то, что составляет его гений, Пушкин получил от Пушкиных, хотя от них же ему достались и некоторая взбалмошность, обидчивость, неумение устроиться в жизни.

Но именно от своих африканских предков «поэт получил наследство драгоценное, – пишет А. Тыркова-Вильямс, – страстную восприимчивость, стремительность, горячее волнение влюбчивой крови, ритм которой поет в его стихах».

3

26 мая (6 июня по новому стилю) 1799 года у Надежды Осиповны и Сергея Львовича Пушкиных родился сын. Ему дали звучное, героическое имя – Александр. Окружающие звали его Саша. И именно воздействие окружения явилось вторым мощным фактором развития и формирования особенностей сексуального характера будущего поэта.

Сильное, неизгладимое воздействие на психику поэта оказали отношения в семье, и прежде всего равнодушие родителей по отношению к нему, их первенцу. Сергей Львович, вечно занятый литературными изысками и светскими вечерами, по словам своей же дочери Ольги Павлищевой: «...был нрава пылкого и до крайности раздражительного, так что при малейшем неудовольствии, возбужденном жалобой гувернера или гувернантки, он выходил из себя, отчего дети больше боялись его, чем любили».

Надежда Осиповна так же не жаловала своего старшего сына, холодно относилась к дочери, зато всю необузданную любовь свою перенесла на младшего брата Левушку. До шести лет Саша был толстым, молчаливым и неповоротливым мальчиком. Когда настойчивые требования матери быть поживее переходили всякую границу, он убегал к бабушке, Марии Алексеевне Ганнибал, залезал в ее корзину и долго смотрел на ее работу. В этом убежище его никто не тревожил. Надежду Осиповну раздражал этот спокойный ребенок, неловкий и сонный толстяк. Мать, вспыльчивая и резкая, хотела угрозами и наказаниями сломить раздражавшую ее лень, заставить сына принять участие в детских играх, подвергала унижительным наказаниям.

У маленького Саши была привычка тереть ладони. Чтобы избавить его от этого, мать завязывала ему руки за спиной и оставляла в таком положении на целый день. Мальчик часто терял носовые платки; Надежда Осиповна приказывала пришить его к курточке сына в виде аксельбанта, а потом заставляла Сашу идти к гостям, что, естественно, больно задевало детское самолюбие.

При конфликтах детей и гувернеров мать, так же, как отец, брала сторону последних. «По характеру своему, – вспоминает муж сестры поэта Л. Н. Павлищев, – она резко отличалась от Сергея Львовича, никогда не выходя из себя, не возвышая голоса, она умела дуться по дням, месяцам и даже годам». Могла целый год не разговаривать с сыном. Оттого дети, предпочитая взбалмошные выходки отца игре в «молчанку» Надежды Осиповны, боялись ее несравненно больше. «Мать Пушкина ни сердцем, ни умом не понимала сына, – горько высказалась А. Тыркова-Вильямс, – никогда и ничем не облегчила трудности и противоречия, с детства кипевшие в его своеобразной, страстной, нежной душе».

Выбор сексуального объекта в детском и юношеском возрасте производится мысленно и переживается в фантазиях ребенка. В этих фантазиях, по мнению Фрейда, проявляются различные инфантильные склонности, главную роль в которых играет сексуальное притяжение к родителям. Но одновременно с преодолением этих «инцестуальных» фантазий происходит освобождение от авторитета родителей. Большое значение для формирования психики Пушкина имело преодоление «эдипова комплекса», в котором завершается инфантильная сексуальность, оказывающая решающее влияние на сексуальность взрослого. Отношения мальчика Саши к родителям и родителям к нему – это классическая ситуация борьбы сына с отцом за сексуальное первенство, в котором мать находится на стороне отца, и своим поведением как бы отвергает притязания сына. Мощное сексуальное «либидо» Пушкина конфликтуя в этой сложной «эдиповой» ситуации, фактически формировало характер поэта и его дальнейшие отношения к мужчинам и женщинам.

Все мужчины – потенциальные враги в восприятии поэта, и если кто из них предпринимает пусть даже незначительные враждебные действия по отношению к Пушкину, последний не успокаивается до тех пор, пока не отомстит обидчику или сопернику. Недостаток мате-

ринской ласки «красивой и обаятельной» Надежды Осиповны вызвали у поэта двойственное отношение к женщине. С одной стороны, он пытался восполнить отсутствие внимания со стороны матери в детстве постоянным стремлением быть в женском обществе, перенося на других женщин свои вытесненные из сознания «инцестуальные» стремления, а с другой стороны, он подсознательно презирал женщину как человека, видя в ней только «самку», хотя и наделенную красотой, блеском, манерами, чувствительностью, чисто женским обаянием. Обида на мать подсознательно формировала у Пушкина пренебрежение именно к тем женщинам, которые любили его.

Всю свою жизнь на равнодушие родителей Пушкин отвечал таким же равнодушием. Живя в одном городе, посещал их редко, только по долгу родственной вежливости. И никогда не писал им.

4

Маленький Пушкин рос среди женщин. Это прежде всего бабушка Мария Алексеевна и няня Арина Родионовна, нянчившая и Ольгу, его сестру, с которой у поэта были хорошие отношения в детстве. Арина была еще довольно молода, когда стала няней в доме Пушкиных. В детстве она была «рабыней» Абрама Петровича Ганнибала, потом перешла по наследству его сыну Осипу Абрамовичу. Можно представить судьбу этой простой крестьянской «девки». По обычаю того времени из них составлялись крепостные гаремы помещиков. Затем их выдавали замуж, и они всю жизнь потом служили своим барам.

Бабушка и няня вносили в жизнь маленького Пушкина женскую ласку, душевное тепло, близость отношений, чего не могла или не хотела дать своим детям капризная мать. «Вокруг бабушки и нянюшки, – отмечает А. Тыркова-Вильямс, – создавался свой, отдельный мир, более уютный, более понятный детям, чем материнская гостиная». Женское окружение оказало сильнейшее влияние на формирование сексуальной сферы поэта. Как известно, подготовка к выбору сексуального объекта в жизни начинается в детстве. Детская сексуальность, которая проявляется у всех детей и имеет всеобщий характер, однако приобретает различные направления и степени силы в будущем в зависимости от того, кто окружал ребенка в детстве (т. н. «латентный» период – от 2 до 5 лет). В течение всего латентного периода ребенок учится любить тех лиц, которые охраняют его, помогают ему избавиться от наказаний, от страха, удовлетворяют его потребности. Я полностью согласен с великим Фрейдом, который писал: «Может быть, не согласятся отождествлять нежные чувства и оценку ребенка, которые он проявляет к своим нянькам, с половой любовью; но я полагаю, однако, что более точное психологическое исследование докажет, что тождественность тех и других чувств не подлежит никакому сомнению» (З. Фрейд. «Очерки по психологии сексуальности»).

Общение ребенка со своими няньками, продолжает далее Фрейд, приносит ребенку непрерывный поток сексуального возбуждения и удовлетворения через эрогенные зоны. Обычно и сама няня (или его мать) питает к ребенку чувства, похожие на сексуальные. В нашем случае у Арины Родионовны могли остаться подсознательные чувства сексуального удовлетворения, получаемого от мужчин семьи Ганнибалов, и которые она перенесла в виде любви и заботы на маленького Пушкина. Ведь когда няня ласкает ребенка, укачивает его, тормошит, целует – она относится к нему как к полноценному сексуальному объекту. Уже тем, что Арина Родионовна постоянно рассказывала сказки о богатырях, о чудищах, мертвецах, она вызывала у ребенка страх потерять любимого человека, усиливая тем самым сексуальную любовь мальчика к себе. Вспомните, как писал сам поэт:

Ах! Умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнись бывало,
Едва дыша, прижмись под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.

Обычно страхи испытывают дети с очень сильным или преждевременно развитым сексуальным влечением. То, что Пушкин в раннем детстве любил свою бабушку, няню и сестру,

направляя на них проявление своего несколько притупленного «либидо», не вызывает никакого сомнения. Все эти инфантильные склонности, будучи восстановленными при половом созревании, потом отразились в его взрослой жизни на выборе сексуального объекта.

Няня поэта не только вызывала определенные сексуальные фиксации мальчика, но и явилась в чем-то вдохновительницей поэтического дара Пушкина. Есть у Пушкина незаконченный отрывок подтверждающий некоторую взаимосвязь поэтической Музы Пушкина и старой няни:

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны...
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидела в шушуне...
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила,
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.

Это еще образ старой няни, но уже в ее руках волшебная поэтическая свирель. Пройдут года, и она опять приходит уже не к ребенку, а к отроку в виде эротически прекрасной Музы:

Как мило ты, как быстро изменилась!
Каким огнем улыбка оживилась...
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала...

Недаром Анна Керн с психологической проницательностью заметила, что Пушкин любил по настоящему только двух женщин – няню и сестру. Детские воспоминания о нежности окружающих маленького Сашу лиц энергично содействовали тому, что Пушкин направил всю свою неумную сексуальную энергию на женщин. В то же время в характере мальчика развилась обида на то, что ему, видимо, запрещали переносить свои детские порывы к сексуальным отношениям на окружающих его женщин. Произошло это оттого, что детская сексуальная любовь Пушкина была направлена в первую очередь на мать, няню и сестру, которые, разумеется, ответить на нее не могли. Переживание это оказалось двойственным: мальчик подвергся воздействию двух импульсов: полового стремления и страха быть отвергнутым в этой «эдиповой» ситуации.

Маленького Пушкина ранило осознание того, что невозможно к одному и тому же человеку испытывать и нежные, и сексуальные чувства. Но поскольку сексуальный импульс идет из сердца непосредственно к гениталиям, то запрет на него, особенно со стороны матери, ощущался как запрет на любовь. Именно это и вызвало постоянное чувство глубокой обиды и на мать, и на отца. «Фактически, ребенок все воспринимает правильно, – отмечает А. Лоуэн, – ибо созерцательная любовь, без физического контакта, не удовлетворяет основных потребностей его организма. Все физические контакты с родителями ребенком воспринимаются как сексуальные».

Перенеся первую обиду из-за запрета на выражение любви, Пушкин постепенно становится менее уязвимым. Но одновременно психика его «ожесточается». В нем формируется гордость, упрямство, презрение к нежным чувствам и явная тяга к генитальным контактам,

которые явно еще не выражены, но вот-вот могут проявиться и занять главенствующее место в сексуальных стремлениях и переживаниях.

5

С семи лет характер поэта, по утверждению его сестры Ольги, резко изменился. Он стал резвым и шаловливым. Латентный период детства закончился. Сексуальные импульсы рванули наружу, преобразая поведение, темперамент и даже анатомическую структуру тела. Как известно, в это время наступает примат генитальной зоны в развитии ребенка. В эти годы генитальные зоны становятся местом ощущения возбуждения, и ребенок старается удовлетворить его, используя мастурбацию или другие способы. Причем гениталии приобретают преимущество над другими эrogenными зонами.

У Пушкина ранняя сексуальность развивалась параллельно его преждевременному интеллектуальному развитию. Именно благодаря этому она не вызывала патологических отклонений. «Страсть к поэзии проявилась в нем с первыми понятиями: на восьмом году возраста, умея уже читать и писать, он сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей», – вспоминал брат поэта. Учился он лениво, зато пристрастился к чтению, любил «Биографии» Плутарха, «Илиаду» и «Одиссею» Гомера. Забираясь в библиотеку отца, он перечитал в ней всех французских классиков, усвоил настоящий французский язык и поражал французов прекрасным слогом своих писем. Памятью он был одарен необычайной и к 11 годам Саша Пушкин знал наизусть почти всю французскую литературу.

Мальчику позволялось присутствовать на постоянных литературных собраниях родителей. Он был в гуще того веселья, стихотворных состязаний, театральных постановок и кипящего остроумия, которыми отличались вечера с участием Сергея и Василия Львовичей. Легкомыслие, шутливость, ничем не ограниченное зубоскальство в типично французском духе XVIII века – все воспринял поэт, и именно за это его любили женщины. За озорство, повесничество, насмешку он много натерпелся в жизни. Но не только политические разговоры, обсуждения литературы и театральных постановок царили на постоянных собраниях интеллигентных представителей дворянства того времени. Наблюдательный Пушкин отмечал и флиртовые шуточки, и легкий флирт, и обсуждение взрослыми интимных проблем. Все это усваивалось мальчиком, хотя по воспоминаниям современников его детства, «...он был скромный ребенок; он очень понимал себя; он никогда не вмешивался в дела больших и почти вечно сживал как-то в уголочке...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.